

Пролог

Пять лет назад День, который все изменил

22 сентября 1953 года

В первый раз на звонок никто не ответил.

— Зачем я купил им телефон, если они никогда не отвечают? — проворчал Ренато, вешая трубку.

— Хватит уже, люди ждут, — его жена Марианна окинула взглядом очередь, растянувшуюся на полмагазина.

— И что с того? Всем приспичило звонить прямо сейчас?

— Но мы же сегодня с ними увидимся... К чему такая спешка?

Ренато нахмурился, снова снял трубку и набрал номер.

— Я буду звонить до тех пор, пока они не поднимут задницы и не подойдут к телефону. Время обеда, где им еще быть, если не дома?

Он прождал долгих шесть гудков, прежде чем наконец услышал:

— Алло?

— Могу я узнать, почему вы так долго не отвечали?

— Папа, мы обедали... — попытался оправдаться Джузеппе.

— На фабрике все в порядке?

— Вас не было всего четыре дня, что могло случиться?

— С тобой никогда не знаешь, — возразил Ренато.

Жена посмотрела на него укоризненно и махнула рукой, как бы говоря: «Отстань ты уже от него, наконец».

— Передай трубку моим внукам, — велел Ренато.

— Хорошо, сейчас позову, — пробормотал Джузеппе.

В трубке слышались удаляющиеся шаги, а затем слова: «Ребята, дедушка звонит», и сразу же раздались радостные крики и топот детских ног. Ренато был уверен, что это неслетя Аньезе, и улыбнулся, представив, как она нетерпеливо перебирает по полу пухлыми ножками.

— Дедушка! — воскликнула девочка. — Когда вы вернетесь?

— Эй, дай мне тоже послушать, держи трубку посередине, — завопил ее брат Лоренцо. — Привет, дедушка! Я тоже тут! Как прошла ярмарка?

Ренато усмехнулся и жестом пригласил Марианну подойти ближе.

— Скоро выезжаем обратно, — ответил он. — Через несколько часов будем дома.

— Так долго ехать? — переспросила Аньезе.

— Бари далеко, тупица! — вмешался Лоренцо.

— Не называй меня тупицей! — возмутилась девочка.

— Эй вы, там, не ссорьтесь, — весело сказал Ренато. —

У меня для вас хорошая новость, нет, даже замечательная: мы с бабушкой все распродали! Возвращаемся домой с пустыми руками. Вы бы только видели... на третий день у нас уже закончились запасы «Марианн»!

Он отправил воздушный поцелуй Марианне, а та улыбнулась ему в ответ. «Марианн» — так называлось мыло, носившее имя его жены, но на французский манер, чтобы всем было понятно, что оно ничем не хуже знаменитого марсельского мыла. Ренато создал его специально для нее, единственной женщины, которую он любил в жизни. Мыло было маленьким и квадратным, с нежным ароматом талька и изящной буквой «М», выдавленной в центре. Мыло «Марианн» быстро стало самым популярным продуктом мыловаренной фабрики «Дом Риццо».

Внуки завопили от радости, и Ренато пришлось отвести трубку от уха, чтобы они не оглушили его своими криками.

— Значит, нам надо сделать еще целую гору мыла! — сказал Лоренцо.

— Да! Мне уже не терпится! — воскликнула Аньезе.

Ренато улыбнулся.

— Завтра, завтра, — ответил он.

— Да сколько можно? Мы тут скоро состаримся, пока ждем, — пожаловался мужчина в шляпе и жилете, говоривший с сильным барийским акцентом.

Ренато жестом послал его к черту.

— Ребята, нам пора. Увидимся позже, — вмешалась Марианна и примирительно улыбнулась мужчине в шляпе.

По дороге к машине они прошли мимо павильонов, в которых выставлялись мыловары со всего региона. На мгновение Ренато бросил взгляд на большой павильон, над которым висела надпись «КОЛЕЛЛА»: покупатели буквально брали его штурмом.

«Мы тоже когда-нибудь так расширимся», — подумал он, почувствовав укол зависти.

Они подошли к синему «Фиату-100», припаркованному на площадке для участников ярмарки, и выехали на дорогу, которая вела к дому, в Аралье, портовый городок на самом юге Апулии.

Ренато открыл окно, и ветер растрепал его густые седые волосы. Рядом с ним Марианна одну за другой вытаскивала шпильки, освобождая собранные в узел волосы.

— Почему ты всегда так суров с Джузеппе? Сегодня ты явно перегнул палку... — пробормотала она, стягивая с ног узкие атласные лодочки черного цвета.

— С ним по-другому нельзя, по-хорошему он не понимает, — строго возразил Ренато. — Видела бы ты его на фабрике: слоняется с такой безразличной физиономией, будто к нему все это не имеет никакого отношения. Если бы не я, кто бы там все контролировал...

Марианна поморщилась и принялась растирать ногу.

— Я знаю, дорогой. Просто дай ему время.

— Время... — повторил Ренато, нахмурившись, и покачал головой, еще крепче сжимая руль. — Он даже не спросил, как прошла ярмарка.

Марианна откинулась на спинку сиденья.

— Зато Анъезе и Лоренцо были так рады... — сказала она, поворачиваясь к нему с легкой улыбкой.

Лицо Ренато тут же разгладилось.

— Мы с ними из одного теста, — сухо ответил он.

Марианна кивнула зевая.

— Ты устала?

— Немного.

— Закрой глаза и отдохни, — сказал он, погладив ее по колену. — Время есть, ехать еще долго.

— Да, мне и впрямь не помешает вздремнуть. Ничего, если я не смогу составить тебе компанию?

Он взял ее руку и прикоснулся губами к шелковой, пахнущей тальком коже.

— Нет, конечно, не волнуйся, — улыбнулся он.

Марианна быстро задремала, склонив голову набок. Ренато смотрел перед собой и вел машину по пустой и прямой дороге. Неожиданно раздался громкий хлопок.

— Что это было? — вскрикнула Марианна, сразу проснувшись.

В этот момент автомобиль резко вильнул и вылетел с дороги.

Послышался удар.

А потом — ничего.

Лето, когда все еще было прежним

Август 1958 года

«Ламбретта», как обычно, капризничала. Во дворе, за портиком родительского дома, Лоренцо продолжал яростно жать на педаль зажигания, но безрезультатно.

— Клянусь, как только получу права, выброшу эту развалюху в море! — вспыхнул он, со злостью пиная обшивку песочного цвета. Он вздохнул, закатал рукава рубашки, обнажая худые руки, и смахнул назад густые черные волосы, которые все время падали ему на лоб.

Из распахнутого окна второго этажа голос Доменико Модуньо во всю мощь пел «Nel blu, dipinto di blu»*, счастливо возносясь выше солнца...

— Аньезе! — крикнул Лоренцо, поднимая голову к окну.

Сестра выглянула, упершись руками в подоконник.

— Чего тебе?

* «Nel blu, dipinto di blu» (итал. «В синем небе, расписанном синим») — слова из песни «Volare» (итал. «Летать») Доменико Модуньо из альбома «La strada dei successi» (1958).

— Не заводится, — ответил он с измученным видом и упер руки в бока.

— Ну и ладно. Пойдем пешком, не проблема, — сказала она.

— Каким еще пешком... — пробормотал Лоренцо, поморщившись, и задумчиво закусил нижнюю губу, которая была у него тоньше верхней. Потом снова подошел к «Ламбретте» и стал давить на педаль.

— А бензин-то есть? — крикнула Аньезе.

— Есть, конечно, — ответил он сдавленным от усилий голосом. — Ну же, черт тебя побери!

После очередной попытки мотор «Ламбретты» наконец-то затарахтел. Лоренцо с сияющей улыбкой повернулся к окну.

— Ты готова? Давай, спускайся скорее, пока она снова не заглохла!

— Минуту! — ответила сестра и скрылась.

Аньезе присела на кровать и спешно натянула на ногу левую сандалию. «Вот же черт! Чтоб меня», — подумала она, внезапно замерев. Сняла сандалию и повторила все в правильном порядке: надела сначала правую, а потом левую. Затем встала с кровати, взяла с туалетного столика темного дерева расческу, которая лежала на увесистом, с пожелтевшими страницами пособии по ботанике в твердой обложке, и подошла к напольному овальному зеркалу. Хватило одного взгляда, чтобы понять, что причесываться нет никакого смысла. Ее густые пружинистые волосы еще больше завились от влажности: проведи она по ним расческой хоть раз, и та сразу же застрянет в волосах. Аньезе

кинула расческу обратно на столик, но та ударилась об угол учебника и отскочила на пол. Девушка снова посмотрела на себя в зеркало и провела рукой по лицу. Кожа была суховата на ощупь. «Хм, кажется, я слишком много времени провела на солнце», — подумала она. Но никто этого не заметит, в этом она была уверена: ее оливковая кожа всегда выглядела загорелой. Даже ее полные губы были темнее, чем у многих, оттенка увядшей розы, а лук купидона был настолько четко очерчен, что из него, казалось, вот-вот вылетит стрела.

— Аньезе, поторапливайся! — позвал ее Лоренцо, перебивая голос Модуньо, продолжавшего витать в небесной синеве глаз своей возлюбленной.

— Иду, иду! — Аньезе выключила маленький радиоприемник на тумбочке и стала спускаться по лестнице, все время выставляя вперед правую ногу. Выйдя из дома, Аньезе прошла под портиком и, ускорив шаг, подошла к брату, который ждал ее в седле мотоцикла с сигаретой в руке. — Вот и я!

Она приподняла край платья, которое доходило ей до середины икры, и забралась на кожаное сиденье позади брата.

— Тебе удобно?

— Да-да, поезжай.

Лоренцо зажал сигарету в зубах и, крепко ухватившись за руль «Ламбретты», крутанул педаль и тронулся с места. Аньезе прижалась к спине брата и положила подбородок ему на плечо. Закрыв глаза, она вдохнула его запах: от него пахло тальком, так же, как и от нее.

Этот аромат сопровождал их с самого детства и стал их визитной карточкой. «О, запахло тальком: это Риццо идут!» — посмеивались над ними одноклассники.

Даже сейчас, когда они оба выросли, они продолжали мыться мылом их детства, «Марианн». Лоренцо выехал за ворота семейной виллы и поехал направо, вдоль оливковой рощи. Метров через тридцать перед вывеской «АРАЛЬЕ» он прибавил газу и обогнал голубой «Фиат-500», его рубашка надулась на плечах, словно воздушный шарик. Аньезе посмотрела на себя в зеркальце заднего вида и широко раскрыла глаза от удивления: ее взъерошенные ветром кудри выглядели точь-в-точь как остроконечная верхушка кипариса.

Они ехали вдоль оливковых рощ и полей, пока над бескрайними деревьями не показалось здание фабрики. Огромная вывеска виднелась за нескольких сотен метров: «ДОМ РИЦЦО. Мыловаренная фабрика, открыта с 1920 года».

Лоренцо сделал последнюю глубокую затяжку и бросил окурочек на землю. Перед ними возвышалась арка городских ворот, но парень свернул налево и поехал по дороге, ведущей к порту, вдоль высоких и крепких стен Анжуйского замка с величественными башнями, хорошо видимыми из любой точки Аралье.

— Как, ты сказал, называется фильм, на который мы идем? — спросила Аньезе.

— А я и не говорил, — ответил с улыбкой Лоренцо, слегка обернувшись назад. — Ну ладно, скажу: «Злоумышленники, как всегда, остались неизвестными».

Они проехали порт, где торговые суда и многочисленные рыбацкие лодки покачивались на морской глади, и продолжили путь в сторону набережной.

— И о чем он? — спросила Аньезе.

— Понятия не имею, скоро узнаем. Но режиссер Моничелли! — уточнил Лоренцо.

— Надо же, — пробормотала девушка.

— Ты хоть поняла, кто это?

— Не совсем, — ответила она и показала на зазор между белым «Фиатом-600» и тротуаром. — Там свободное место.

— Вот тупица! Ты же видела столько его фильмов, — шутливо упрекнул Лоренцо.

— Какие же, например? — спросила Аньезе, слезая с мотоцикла, пока Лоренцо заглушал мотор «Ламбретты».

— Ну, разные, с Тото. «Полицейские и воры», «Тото и короли Рима», «Тото и женщины», «Тото и Каролина»... — принялся перечислять Лоренцо, загибая пальцы.

— А, ну да, — коротко отрезала Аньезе. — Но я совсем не нахожу Тото смешным, ты же знаешь.

— Ты ничего не понимаешь в кино, — сказал Лоренцо, улыбаясь ей большими зелеными глазами, потом обнял ее за плечи, и они вместе пошли в сторону летнего кинотеатра под открытым небом. Аньезе напустила на себя обиженный вид, и брату, который был выше ее как минимум сантиметров на двадцать, пришлось нагнуться, чтобы звонко чмокнуть ее в щеку в знак примирения.

— Подожди, — внезапно сказала она, останавливаясь. — Я не проверила, как там мои волосы. — Она попыталась

пригладить непослушные кудри. — Я все еще похожа на кипарис?

— На что? — Лоренцо покатился со смеху.

— Ну наконец-то, вы приехали! — прервал их женский голос.

Лоренцо обернулся и с сияющей улыбкой прижал к себе девушку, приветствуя ее долгим поцелуем в губы.

— Давно ждешь? — спросил он. — Прости, но «Ламбретта» никак не заводилась.

— Прощаю, — сказала девушка, проведя пальцем по заостренному кончику его носа. — А я-то думала, что причина, как всегда, в твоей копуше-сестре.

Она бросила на Аньезе взгляд, как бы уточняя: «Ты же не обижаешься, правда? Я просто шучу!»

Аньезе посмотрела на нее, нахмурившись, но ничего не ответила. Анджела и Лоренцо были парой с самого детства и казались единым целым, как будто были скреплены цементом. Анджела была на два года старше Лоренцо и приходилась сестрой его лучшему другу, Фернандо. В городе все считали ее первой красавицей и сравнивали с Брижит Бардо. Даже Аньезе, которой Анджела никогда не нравилась, была вынуждена признать, что в этой девушке с глазами цвета лесного ореха, обрамленными длинными ресницами, с небольшим слегка вздернутым носиком, покрытым веснушками, и бархатистыми светлыми волосами было что-то притягательное. Лоренцо же был влюблен в нее по уши: он всегда знал, что, когда вырастет, женится на своей Анджеле. В декабре ему должно было исполниться двадцать,

и тогда он собирался попросить ее руки, о чем постоянно всем твердил.

— А где Фернандо? Он не пришел? — спросил Лоренцо, оглядываясь вокруг.

— Пришел, конечно, — ответила Анджела. — Я отправила его в бар, купить что-нибудь попить, умираю от жажды. А вот и он, — добавила она с улыбкой, показывая на брата, который направлялся к ним с бутылкой газировки в руках. Аньезе показалось, что Фернандо как будто похудел и постарел с последнего раза, когда они виделись на рождественских каникулах.

— Ну, здорово! — Лоренцо раскрыл объятия. Он всегда в шутку приветствовал так Фернандо с тех пор, как тот уехал в Турин — работать на заводе «Фиат».

Друг обнял его в ответ.

— Смотрите-ка, и малышка Аньезе здесь, — сказал он. — Иди сюда, я тебя обниму.

— Малышка... Я всего-то на три года младше вас, — возмущалась Аньезе, пока Фернандо с нежностью сжимал ее в объятиях.

— Я знаю. Но для меня ты всегда останешься малышкой, — ответил он.

— Ну что? — сказал Лоренцо, кладя руку на плечо друга. — Как там, в Турине?

— Эх, Лоренцо, как там может быть... Все по-старому: делаю автомобили, которые никогда не смогу купить, — ответил тот с горькой усмешкой.

— Ты же сам решил уехать, — тут же вмешалась Анджела, вырывая бутылку у него из рук. — И раз продолжаешь там жить, значит, все не так уж плохо.

Она отпила глоток, сверля Фернандо взглядом, а он, как обычно, проглотил ответ, который уже был у него наготове: «Что ты вообще можешь знать о том, как я там живу?»

Тем временем люди постепенно занимали места напротив белого экрана, до начала фильма оставалось всего несколько минут.

— Пошли! — воскликнула Аньезе и, не дожидаясь остальных, быстрым шагом направилась к кинотеатру. Подойдя поближе, она остановилась и принялась пересчитывать ряды с креслами.

— Сядем там, — сказала она наконец и показала пальцем на четвертый ряд, где все еще было несколько свободных мест.

— Слишком близко к экрану, — пожаловалась Анджела. — У меня заболит шея.

— Там тоже есть места, — сказал Лоренцо, указывая на пять рядов выше.

Аньезе снова принялась считать, потом покачала головой.

— Нет, это нечетный ряд, он не подходит.

Она отошла на несколько шагов, чтобы отыскать другие места. Анджела фыркнула:

— Почему она каждый раз все усложняет?

Лоренцо пожал плечами и растянул губы в улыбке.

— Это началось после той аварии... Не знаю, у нее свои волшебные ритуалы.

— Волшебные ритуалы, — повторила Анджела, поморщившись.

— Ну да, всякие мелочи, которые ее успокаивают. Как будто защищают от чего-то плохого.

Анджела приподняла бровь.

— И она правда верит в то, что это работает?

— Да брось, какая разница? — ответил Лоренцо, обнимая ее за талию. — Это ведь никому не вредит, правда?

— Ну вот, нашла, — объявила Аньезе. — В двенадцатом ряду, — уточнила она, обращаясь лишь к брату, единственному, кто понимал ход ее мыслей и знал схемы, которыми она руководствовалась, чтобы упорядочить все на свете.

— Двенадцатый так двенадцатый, — примирительно улыбнулся Фернандо.

Через несколько минут солнце скрылось в водах Ионического моря, окрасив все вокруг в мягкие голубоватые тона. Четверо ребят поспешили занять свободные места в двенадцатом ряду и уселись как раз в тот момент, когда зазвучала музыка и на экране появились первые титры фильма, показывающего ночную улицу на окраине города.

*

Аньезе и Лоренцо вернулись домой незадолго до полуночи. На первом этаже было темно и пахло омлетом. Медленно ступая, они направились к лестнице, но Аньезе вдруг прошептала:

— Я есть хочу.

Брат усмехнулся.

— Но ты же съела целую пиццу, — сказал он вполголоса.

— Ну и что? — пожала плечами Аньезе. — Я еще голодная.

Они зашли на кухню и зажгли свет, в центре стола стояла тарелка, накрытая белой салфеткой. Под ней оказался кусок омлета.

— Поделим пополам? — предложила Аньезе.

Лоренцо уселся за стол, махнув рукой.

— Нет, ешь сама.

Аньезе села рядом с ним, разрежала остатки омлета на две части и положила в рот первый кусок.

На другой стороне стола лежал отцовский еженедельник с кроссвордами с ручкой вместо закладки и вздувшимся пятном на обложке, как будто на журнал попала вода. Лоренцо протянул руку, взял журнал и принялся листать страницы.

— Он решает до конца абсолютно все кроссворды, — пробормотал юноша с легким раздражением. — Если бы он посвящал фабрике хотя бы десятую часть того времени, что проводит за этим занятием...

Аньезе дожевала первый кусок омлета и приступила ко второму.

— Подожди-ка, перелистни назад, — сказала она с набитым ртом.

Брат послушно перевернул страницу, Аньезе вытянула шею и прищурилась.

— Что тут написано? — спросила она, показывая в низ страницы, где мелким и четким почерком отца была сделана какая-то надпись.

— «Нет счастья без свободы, а свободы без мужества», — прочитал Лоренцо и перевернул страницу.

— Смотри, там еще что-то, — сказала сестра, показывая пальцем.

— «Важно не то, что сделали с нами, а то, что мы сами сделаем из этого».

Аньезе недоуменно нахмурилась.

— Что это значит?

— Откуда мне знать? Наверное, разгадка какого-то ребуса... — вздохнул Лоренцо и тут же заметил, что вверху на той же странице было написано «Франческо» и номер телефона с кодом 080. — Франческо? Кто такой Франческо? — спросил он.

— Понятия не имею, — ответила Аньезе. — Кажется, у нас нет знакомых с таким именем.

— Мне тоже так кажется.

— А что это за код?

Лоренцо пожал плечами.

— Может быть, Бари, но я не уверен, — ответил он, зевая, и закрыл журнал. — Ладно. Пошли спать, сестренка?

Аньезе кивнула.

— Я наелась, теперь можно и поспать.

Будильник на прикроватной тумбочке прозвенел ровно в семь утра. Прохладный бриз проникал в комнату из открытого на ночь окна и легко касался голых ног Лоренцо: после нескольких недель непрерывного сирокко, влажного и душного, ветер наконец переменился.

Лоренцо встал с кровати и надел брюки и бежевую рубашку, которые бросил на стул вчера вечером. У письменного стола, заваленного книгами и журналами об искусстве, стоял деревянный мольберт с незаконченным женским портретом, лицо на нем походило на лицо Анджели. Лоренцо подошел к картине и провел по ней пальцем: первый слой краски еще не высох. Он перенес мольберт поближе к открытому окну, чтобы краска быстрее подсохла на ветру. У стены напротив, оклеенной афишами старых фильмов от «Рим — открытый город», «Шуши», «Пайзá» и до «Похитителей велосипедов» и «Горького риса», стоял комод, такой же, как в комнате у Аньезе. Лоренцо открыл верхний ящик, достал из него связку ключей и положил в карман. Он вышел из комнаты и, аккуратно ступая, стараясь не разбудить Аньезе, прошел по коридору. Дверь в комнату сестры, по соседству с его собственной, была, как всегда, распахнута. Аньезе спала в привычной с детства позе: лежа на спине и закинув руки за голову. Брови ее были нахмурены, будто во сне ей кто-то досаждал.

Лоренцо спустился на первый этаж и отправился прямо-ком на кухню. Там, в ночной рубашке и с растрепанными

волосами, уже стояла у плиты его мать Сальватора — единственный человек в доме, кто мог быть на ногах в такой час. Она стояла у плиты и ждала, когда кофеварка начнет klokотать.

Лоренцо поцеловал ее в щеку.

— Садись, кофе почти готов, — сказала она. Стол уже был накрыт к завтраку на четверых: тарелки, чашки с блюдами из белого фарфора в мелкий розовый цветочек, серебряные чайные ложечки. Лоренцо сел и скрестил руки на столе, рядом с журналом кроссвордов.

— Будешь печенье? — спросила Сальватора. Не дожидаясь ответа, она открыла дверцу светло-коричневого кухонного шкафчика и достала из него зеленую керамическую банку с печеньем. Сняла крышку и поставила банку на стол. Лоренцо сразу запустил руку внутрь.

— Мне парочку.

Сальватора налила кофе сначала Лоренцо, потом себе и уселась напротив сына.

— С чего это ты вдруг так рано встал? Мог бы еще поспать.

— Мне надо на мыловарню, — ответил тот, откусывая кусок печенья.

Сальватора, держа чашку двумя руками, сделала глоток кофе.

— Но сегодня же воскресенье...

— Хочу закончить один эскиз, — ответил Лоренцо с набитым ртом, отряхивая руки от крошек. — Ты видела последний, для «Снега»? На июльской ярмарке он всем очень понравился.

Лоренцо глотнул кофе.

— Да, конечно. Ты просто молодец, — ответила Сальватора со слегка натянутой улыбкой.

— Папа меня не то что не похвалил, даже не взглянул на него, — пробормотал Лоренцо, ставя чашку на блюдце.

— Ну что ты, — поспешила оправдать мужа Сальватора. — Ты же знаешь, какой он. Твой отец не из тех, кто привык раздавать комплименты, но он ценит все, что ты делаешь.

— Ну да, конечно. — Лоренцо махнул рукой. — Чудо, если он вообще замечает, что происходит на мыловарне.

Сальватора помрачнела.

— Лоренцо, мне совсем не нравится, когда ты говоришь об отце в таком тоне. Ты обязан уважать его. Ты и твоя сестра. А вы все время объединяетесь против него...

Лоренцо вздохнул и посмотрел на нее с выражением, в котором читалось: «Ничего не поделаешь, ты всегда на его стороне, даже когда его совсем не надо защищать». Он поднялся, обошел стол, положил руки на плечи матери и поцеловал ее в лоб.

— Ну, я пошел, — только и сказал он.

*

Лоренцо припарковал «Ламбретту» перед большими деревянными воротами фабрики, слез с мотоцикла и достал из кармана связку ключей. Повернул в замке длинный латунный ключ и вошел внутрь, закрывая за собой ворота.

Запах мыловарни тут же окутал его, словно мантия: это был единственный и неповторимый аромат, смесь растительных жиров, цветочных и фруктовых эссенций и ланолина, смол, щелока и растворителей.

Лоренцо прошел вперед по крашеному цементному полу, отмечая эхо при каждом шаге: в такой тишине, без рабочих и с выключенными станками, он внезапно почувствовал себя последним человеком на Земле. Эти стены из необработанного камня и высокие потолки с детства были для него и Аньезе вторым домом: они провели здесь множество беззаботных часов, играя в прятки между огромными паровыми котлами и ваннами для охлаждения мыла, пока однажды после обеда — Лоренцо и Аньезе тогда еще ходили в начальную школу — дедушка Ренато не пригласил их к себе в кабинет и не сказал, одарив своей фирменной полуулыбкой: «Однажды вам предстоит взять управление фабрикой в свои руки. Как только вы закончите среднюю школу, я хочу, чтобы вы работали на мыловарне с утра до вечера. А пока вам предстоит многому научиться. Вы будете приходить сюда после уроков каждый день, без исключения, вы хорошо меня поняли?»

Потом он отвел Лоренцо в сторону и прошептал ему: «Я на тебя рассчитываю, парень. На тебе лежит большая ответственность, тебе предстоит продолжить дело Риццо. Ты же это знаешь, верно?» Лоренцо кивнул и пообещал, что ни за что его не разочарует. И чуть слышно добавил: «Дедушка, я все равно хочу закончить лицей. Как ты! Но буду приходить на завод каждый день после уроков. Клянусь!»

С того дня Ренато принялся обучать внуков всему, что знал сам, и брат с сестрой постепенно узнали все секреты мыловарения. Особенно преуспела в этом Анъезе, дедушка не зря говорил, что она унаследовала его нос. И он имел в виду не только внешнее сходство, которое было заметно невооруженным взглядом, — нос у них обоих был асимметричным с чуть неровным профилем, — но и необычную способность девочки запоминать ароматы всех эссенций и их свойства и распознавать их по запаху, словно ищейка. Лоренцо на миг показалось, что он как будто видит их, Анъезе и дедушку: как они с азартом экспериментируют, добавляя в смесь мыла красители, ароматы и активные вещества.

Он уже собирался войти в кабинет, когда услышал резкий звук с цокольного этажа. Лоренцо спустился вниз, туда, где стояли цистерны с маслом из оливкового жмыха. Ему было чуть больше четырех лет, когда отец впервые привел его сюда, и он хорошо запомнил этот момент, потому что Джузеппе тогда резко сделал шаг в сторону и его стошнило прямо на пол от запаха, который царил в помещении. «Тебе плохо, папа?» — спросил мальчик взволнованно. «Это все жмых, — ответил отец, стараясь прийти в себя. — Я никогда не смогу привыкнуть к этому запаху...» И тем не менее именно оливковый жмых принес их семье удачу: дедушка вовремя понял, что отходы от производства оливкового масла можно пустить в дело. В ход шло все — кожица, остатки мякоти, фрагменты косточек, — и в результате получалось масло, которое нельзя было употреблять в пищу, но зато оно идеально подходило для производства мыла.

«Вот что это было, — подумал Лоренцо, заметив, что окно под потолком закрыто. — Наверное, захлопнулось от ветра». Он влез на стул, снова распахнул окно, чтобы комната проветривалась, и только потом вернулся на первый этаж. Открыл дверь кабинета, который когда-то принадлежал дедушке, а сейчас — отцу, в те редкие моменты, когда тот бывал на заводе, и сел в кожаное кресло за письменным столом. На противоположной стене висел диплом Ренато об окончании факультета сельскохозяйственных наук, а вокруг него, чтобы занять оставшуюся часть стены, были развешаны в рамках все грамоты, сертификаты и премии, которые мыловарня «Дом Риццо» получила за эти годы. Некоторое время назад к ним присоединились плакаты и рекламные вывески, которые рисовал Лоренцо. Последняя его работа была посвящена хозяйственному мылу «Снег»: на плакате молодая женщина с лицом Анджели доставала простыню из полного мыльной воды и пузырей-снежинок таза. Женщина с удивлением смотрела на безупречно чистое белоснежное белье. На полу рядом с ней, на переднем плане, была изображена упаковка твердого мыла, а на голубой этикетке крупными и такими же белоснежными, как простыня, буквами было написано «Снег».

Лоренцо открыл папку с эскизами и достал из нее рисунок, который собирался закончить сегодня, — он работал над ним уже некоторое время. Им нужен был рекламный плакат для перезапуска «Олив», питательного мыла для лица на основе оливкового масла. Его продажи с самого начала шли не слишком бойко, потому что не всем нравился

аромат оливок, но сейчас Аньезе слегка изменила формулу и сделала аромат более мягким, добавив в него букет ириса и туберозы.

Лоренцо открыл коробку с цветными карандашами и продолжил с того места, где остановился в прошлый раз. В верхней части плаката рядом с ребенком на корточках сидела женщина и, закрыв глаза, нюхала его щеку с выражением блаженства на лице, а от розовой кожи малыша разлетались во все стороны крошечные лепестки. Внизу плаката Лоренцо сделал набросок новой упаковки «Олив»: прямоугольной формы, с зелеными уголками, а посередине — светло-фиолетовый овал с надписью курсивом фиолетового цвета: «Олив».

Ниже он набросал карандашом рекламный слоган: «Питательная сила оливкового масла с упоительным ароматом ириса и туберозы». Он работал над плакатом добрый час, пока не услышал, как заскрипели ворота. Лоренцо встал и со скрежетом отодвинул кресло, но в этот момент дверь офиса распахнулась и на пороге появилась Аньезе: ее кудри были собраны в высокий хвост, желтое платье обнажало крепкие икры.

— А, это ты, — сказал Лоренцо, снова усаживаясь в кресло. — Почему ты не хочешь выспаться? Сегодня же воскресенье...

— По той же причине, что и ты, — ответила Аньезе, уставившись на него своими темными кошачьими глазами.

Он улыбнулся и повернул лист с эскизом.

— Хочешь взглянуть?

Аньезе взяла лист и присмотрелась к рисунку.

— Вот это да! — воскликнула она. — Мне ужасно нравится! — Она снова посмотрела на рисунок и удовлетворенно кивнула. — Да, да, он очень красивый. Но что, если мы немного изменим слоган? Давай напишем: «Привычная нежность оливкового масла с новым ароматом ириса и туберозы»? Так будет понятно, что это обновленный продукт.

Лоренцо ненадолго задумался.

— Нет, слишком длинно. Мне не кажется, что это хорошая мысль. — Он закусил нижнюю губу. — А что, если так: «Питательное оливковое масло с новым чарующим ароматом»?

— Да, замечательно! — воскликнула Аньезе, хлопнув в ладоши.

— Значит, так и напишем, — сказал Лоренцо с улыбкой и снова склонился над листом.

Непослушные пряди упали ему на лоб. Он стер ластиком вторую часть фразы и написал ту, что они только что придумали.

Аньезе сидела на письменном столе, склонив голову набок, и болтала ногами, пристально следя за каждым штрихом грифеля.

— Завтра же отправим в печать, — объявил Лоренцо, закончив рисунок и откладывая карандаш в сторону.

— Да, только сначала покажем папе... — предложила Аньезе.

Брат отодвинул кресло назад и поднялся.

— Какой смысл? Он едва взглянет на него, как всегда. Не думай о папе. Главное, чтобы плакат нравился нам с тобой.

Аньезе опустила глаза и скривила губы.

— Как хочешь, — пробормотала она. — Послушай, раз уж мы здесь, давай проверим резочный станок? Вчера у него два раза заедало педаль.

Лоренцо посмотрел на настенные часы: они показывали четверть одиннадцатого.

— Не успеем. В одиннадцать я встречаюсь на пляже с Анджелой и Фернандо. Ты же помнишь, что он сегодня уезжает? Мне еще надо заехать домой за плавками.

— Мне тоже нужно взять купальник, — ответила Аньезе. — Ладно, значит, займемся этим позже. После пляжа.

*

Раскаленный песок обжигал ноги. Разуваться было не лучшей идеей, думала Аньезе, прыгая на цыпочках к берегу. Рядом с ней, перекинув через плечо пляжное полотенце, шагал Лоренцо. Они пробирались к морю между шезлонгами, между кричащими и брызгающимися детьми, игроками в волейбол и рядами полотенец, на которых загорали женщины с журналами *Gente* и *Marie Claire*.

Из киоска с напитками доносились звуки радио. «*Eri piccola così*»*, — пел Фред Бускальоне. Наконец, в паре метров от берега они заметили Анджелу: она загорала на полотенце, прикрыв глаза, отдельный купальник

* «*Eri piccola così*» (итал. «Ты была такой малышкой») — сингл Фреда Бускальоне (1958).

в красно-белую полоску подчеркивал ее идеальное стройное тело. По крайней мере, именно таким оно казалось Аньезе, когда она сравнивала его со своим. Мать все время повторяла ей, что с возрастом она тоже вытянется и постройнеет, но ничего подобного не случилось: Аньезе так и осталась метр пятьдесят пять ростом, округлый живот никуда не ушел, а едва наметившаяся грудь так и не приобрела женственную форму.

Лоренцо опустился на колени и слегка поцеловал Анджелу в губы, щекоча ее лицо своими волосами. Девушка открыла глаза и вспыхнула от радости. Она приподнялась на локтях и одарила его нежным взглядом.

— Этот купальник тебе не тесноват? — спросил он, отодвигая ее волосы набок.

— Тебе не нравится? Мне его подарила соседка, ей он мал.

Лоренцо расстелил свое полотенце рядом с ней и снял брюки и рубашку.

— Я не говорил, что мне не нравится. Ты прекрасна. В этом-то и проблема: на тебя все смотрят. Будет лучше, если в следующий раз ты наденешь обычный закрытый купальник.

Анджела ничего не ответила.

— Ложись поближе ко мне, — сказал он, укладываясь на полотенце. Анджела придвинулась к Лоренцо и положила голову ему на грудь. Он поцеловал ее в лоб и погладил по волосам. Борясь с порывами ветра, Аньезе расстелила на песке свое полотенце перпендикулярно полотенцу Фернандо и села лицом к морю, повернувшись к брату и Анджеле спиной.

— Ты еще не сжарилась в одежде? — поинтересовался Лоренцо.

— Пока нет, — ответила Аньезе, обернувшись к брату. Она потянула вниз края желтого платья, чтобы прикрыть лодыжки от солнца, и заметила в море Фернандо, который плыл к берегу широкими гребками.

— Ну, здорóво! — поприветствовал его Лоренцо, когда тот вышел из воды и подошел к ним. Фернандо улыбнулся и показал ему средний палец.

— Как вода? Не слишком холодная? — вяло поинтересовалась Анджела.

— Просто замечательная, — ответил Фернандо, отбрасывая назад мокрые волосы.

Он сел на край полотенца и подмигнул Аньезе. В этот момент Лоренцо и Анджела решили искупаться и, взявшись за руки, пошли к морю.

— А ты не купаешься? — спросил Фернандо, глядя на нее глазами цвета лесного ореха, как у Анджелы, хотя его были в тысячу раз милее.

Аньезе скрестила руки.

— Не сегодня. Во сколько у тебя поезд?

— После обеда. И ехать придется долго.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что «Фиат» тебе не по карману, и твоя сестра чуть не испеклила тебя взглядом?

Фернандо поморщился.

— Она думает, что в Турине я живу какой-то чудесной жизнью, но на самом деле она понятия не имеет, как оно

там. Знаешь, порой я спрашиваю себя: я работаю на заводе или в казарме? У нас убийственные смены, а зарплата крошечная. Хозяева богатеют, а мы остаемся бедняками. А если взбрыкнешь, тебя отправят домой. Голову вниз и работай.

— Тогда почему ты просто не уволишься и не вернешься домой?

Парень внимательно посмотрел на нее.

— И что я здесь буду делать? Все, чему я там научился, здесь никому не нужно.

Аньезе не нашла, что ответить. Они оба несколько минут молчали, глядя на Лоренцо и Анджели, которые, стоя по пояс в воде, слились в бесконечном поцелуе.

— А ты? — спросил Фернандо, прерывая молчание.

— Что я?

— У тебя есть жених? — уточнил он с улыбкой.

Аньезе пожала плечами.

— Мне он не нужен.

Фернандо рассмеялся.

— Что значит — не нужен?

— У меня нет времени, я весь день на мыловарне.

— Но это никак не мешает любви.

— Может, и так. Но мне все равно никто не нравится.

— Это ты сейчас так говоришь. Рано или поздно появится тот, в кого ты влюбишься.

— А ты влюблен?

Фернандо уперся локтями в песок и откинул голову.

— Ужасно влюблен, — признался он. — И даже помолвлен. С одной девушкой оттуда, — объяснил он, поднимая

Содержание

Пролог. Пять лет назад	
День, который все изменил.....	11
1. Лето, когда все еще было прежним	16
2. Кто мы?	40
3. Разрыв.....	65
4. Я останусь там, где мой дом	89
5. Свитер с ароматом «Снега»	110
6. День рождения без свечей	132
7. «Но ты уходишь, а ты останься»	153
8. «Фиат Гран Луче».....	171
9. Поцелуй твой точно рок.....	197
10. «Нувель Марианн»	217
11. Та, что загорает под луной	236
12. Последняя остановка	260
13. Цена, которую придется заплатить	284

14. Хроника одной любви	304
15. Миру тело его.....	328
16. «Я не потеряю тебя, я не оставлю тебя...»	352
17. «Феникс»	371
18. «Дом Риццо»	393
Эпилог. Чего у меня нет	409
Благодарности.....	418